

СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ ВЫЖИТЬ БЕЗ ИДЕОЛОГИИ?

Р.И. СОКОЛОВА

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит видно,
Да кружит по сторонам.

А.С. Пушкин

В политической философии вопрос о том, «как жить сообща», является одним из ключевых, и, пытаясь ответить на этот вопрос, она неизбежно вступает в область идеологии.

Те исследователи, которые видят в идеологии деформирующий опыт сознания, выдвигают на первый план ее негативные коннотации, связанные с представлением об идеологии как об атрибуте несвободных социалистических обществ, а также с понятием «идеологическая борьба». Отказ России от идеологической борьбы, означавший признание ее поражения в холодной войне и, следовательно, зависимого положения, повлек за собой соответственно и отказ от идеологии. В российских научных публикациях почти полностью исчезло упоминание об идеологии, а само слово «идеология» стало как бы ругательным. Поэтому от идеологии стараются отмежеваться и, рассуждая о судьбе российского государства, предпочитают заменять это понятие более нейтральными – идея, мировоззрение.

Впрочем, сегодня более актуальным и популярным является другой подход к идеологии – рассмотрение ее в качестве инстанции, которая обеспечивает интегративную функцию государства как феномена, организующего социальную жизнь. В этом русле работает ряд отечественных ученых. К тому же сейчас склоняется и власть. Президент РФ В.В. Путин наметил основное направление будущей идеологии российского государства в своем выступлении 12 сентября 2012 г. в Краснодаре¹. По сути, он призвал всех патриотов России сплотиться в деле укрепления России, в создании ее новой Идеологии.

Некоторые отечественные ученые отмечают непосредственную связь между отсутствием государственной идеологии в стране и кризисом, в котором оказалась Россия вслед за остальным миром. А.Н. Окара, например, подчеркивает, что кризис обнажил главные проблемы наших дней: смысловую исчерпанность «современного мира», недостаточность Модерна как универсального миростроительного проекта, истощенность нынешней концепции развития человечества, сформированной в лоне западноевропейской цивилизации и откровенную ущербность разнообразных постмодернистских проектов², которым послушно следовала Россия.

Частым рефреном звучит также мысль о том, что важным фактором, порождающим слабость современной России, является ее неспособность устранить многочисленные нарастающие угрозы, обусловленные отсутствием политического и духовно-идеологического единства как во властвующей элите, так и во всем обществе. Юридически закрепленная идеологическая аморфность российского общества, отказ от корневых культурных ценностей на стратегическом уровне не только не обеспечивают его процветания, но и создают условия для социальной деградации.

Все это свидетельствует о беспочвенности взгляда на сущность идеологии как безусловного зла, возобладавшего в последние десятилетия прошлого века. Действительно, конец XX в. засвидетельствовал крушение в мире большинства идеологий, что позволило выдвинуть тезис о конце идеологии и породило настроения антиидеологизма. Эта теория вступила, однако, в противоречие с реальностью, так как идеология — многомерный социальный феномен, ее корни могут находиться, в том числе, и в самом устройстве государства, в его сущности и культуре, а также в психологических особенностях и ценностных установках народа.

В мире, в отличие от России, идет постоянный процесс совершенствования идеологий, целью которых является не только формирование максимально благоприятного внешнего облика страны, но и навязывание этого облика (и ценностей) другим странам. Отказ России от идеологии вовсе не означает, что и другие страны также отказались от нее. Напротив, такие идеологии, как, например, радикальный ислам и радикальный либерализм, стали главным и эффективным инструментом политической борьбы и защиты национальных интересов. Россия же опять оказалась в положении догоняющей, и не только в экономике и технологиях, но и в общественных науках, т.е. стала аутсайдером как в инновациях, так и в идеологии.

Сегодня речь должна идти не о конце идеологии, а о разрушении ее отдельных форм, об исчерпанности некоторых идейных течений в условиях противостоящих друг другу парадигм: глобализации и многополярного мира, которые, как отмечает В. Волконский, «связываются только с геополитическими и экономическими схемами. Но явно ощущается потребность в формировании соответствующих им идеологий, заполнении остро ощущаемого вакуума в смысловой сфере»³. Иными словами, идеологические аспекты общественной жизни должны стать одним из стратегических направлений исследований и находиться в зоне пристального внимания философского сообщества. При этом необходимо освободиться от одностороннего понимания идеологии как атрибута тоталитарного прошлого и обратиться к ее содержательному пониманию, адекватному российской цивилизации.

В России еще не успели подумать о необходимости идеологии, как «Вашингтон пост» уже опубликовала тревожную и неодобрительную статью⁴. Это еще один аргумент в пользу того, чтобы разобраться в вопросе о роли идеологии в жизни общества и задуматься над тем, какая идеология нужна России.

В XX в. отношение к идеологии в мире неоднократно менялось, интерес к ней то возникал, то вновь исчезал. Ее бытование в публичном пространстве условно принято разделять на четыре волны, каждая из которых может быть описана конкретной концепцией: 1) начало века – «идеологизация»; 2) 40 – начало 70-х гг. – «деидеологизация»; 3) 70 – 80-е гг. – «реидеологизация»; 4) конец 80-х – начало 90-х гг. – новая «деидеологизация» или «постидеология».

Постидеологическое состояние в России привело к тому, что в обществе не стало больше плодотворных идей и оснований для того, чтобы «жить сообща», ибо без идеологии граждане лишены веры в то, что социальную жизнь можно изменить к лучшему. Таким образом, идеология есть нечто большее, чем ложная теория, а именно – учение, вызывающее к жизни определенную политическую практику. Она является неперменным фактом общественного сознания независимо от того, признается это или нет (периоды так называемой деидеологизации) и даже несмотря на запрет идеологии (Конституция РФ). Будучи призванной в конечном счете обеспечивать легитимацию политической власти, она не может бесследно исчезнуть с политической арены, во всяком случае в обозримом будущем.

Потребность в идеологии, как отмечал еще в 1990-е гг. западногерманский ученый У. Матц, особенно ощущается в периоды кризисов, так как, являясь по своей сути суррогатом веры, она играет роль костыля при пошатнувшихся политических устоях. Рассмотрение феномена идеологии применительно к ситуации кризиса и в связи с кризисом проливает свет на важные стороны этого феномена, на которые раньше не обращалось должного внимания со стороны ученых. Поиски идеологии, коррелирующей с новейшим «кризисом смысла», приводят к довольно банальному результату – мы не просто имеем дело с той или иной идеологией, а сталкиваемся с фактом, что эпоха кризисного сознания совпадает с «веком идеологии», и, следовательно, с теми разновидностями политического мировоззрения Нового времени, которые привычно характеризовались в общем как идеологии и о конце которых говорили⁵. Продолжающаяся ситуация кризиса сохраняет и актуальное значение идеологии. Серьезные западные исследователи утверждают, что тезис о конце идеологии совершенно неправомерен по отношению не только к нашему времени, но и к отдаленному будущему. Более того, потребность в идеологиях сегодня велика как никогда. Поэтому не случайно, что лейтмотивом работ таких исследователей информационного общества, как З. Бже-

зинский, Б. Бриггс, Э. Винер, Г. Кан, является осознание необходимости его идеологического обоснования⁶.

Глубинные детерминанты единства государства, или «Зачем нужно жить сообща?»

Сохраняющаяся угроза распада России порождает время от времени возрождающийся интерес к вопросу о такой идеологии, которая способна объединить людей, т.е. дать ответ на вопрос «как жить сообща?» После разрушения СССР в России так и не возникло новой, постсоветской идентичности, поэтому общество раскалывается по этнокультурному, сословному, региональному и даже религиозному признакам. В то же время геополитическая и социальная реальность сегодня такова, что собирание, воссоединение людей в единую нацию — условие выживания и сохранения России.

Обращаясь к философским истокам исследования целостности и единства государства, можно отметить, что еще древнегреческие ученые считали, что государственная целостность и единство препятствуют дезорганизации и анархии. Идею единства государства, концепции типов его целостности развивали и отечественные философы И.А. Ильин, В.С. Соловьев, А.С. Хомяков и др. Они считали, что приоритет целостности государства выполняет функцию его сохранения и защиты, а нарушение генетических начал государственного строительства, в том числе «традиций», «среды», может привести к разрушению государства.

Сегодня много говорят об инновации, модернизации, но мало акцентируют внимание на том, что в качестве неперменной предпосылки они предполагают единство общества и государства. А единство в свою очередь подразумевает систему взглядов, которая рационально обосновывает это единство. Однако в российском обществе с размытыми духовными ориентирами утрачивается доверие к рациональной научной мысли.

Представляется, что в такой ситуации следует начать с аргументов, казалось бы, далеких от обсуждаемой темы, но обладающих большой силой наглядности и убедительности. Вспомним, например, что применительно к нашей общественной жизни часто употребляется метафора «раковая опухоль», когда речь идет о каких-то гипертрофированных негативных социальных явлениях. Как и всякая метафора, несмотря на свою многозначность, она фиксирует сходство соотносимых явлений, обнаруживает то, что мы не всегда или недостаточно ясно осознаем. Взятая вне научного дискурса, эта метафора воспринимается как эмоциональная реакция на какое-либо негативное явление. Ситуация может радикально измениться, если ее поместить в научный контекст, тогда она, не будучи понятием, тем не менее сможет раскрыть многие неявные черты предмета исследования.

Возникает закономерный вопрос: в рамках какой теории общества можно применить эту метафору? Поскольку ее социальный подтекст базируется на биологической (органической) основе, то было бы логично предположить – в рамках органической теории общества, незаслуженно оттесненной на задний план теоретических исследований. Ее идеи разделяли О. Шпенглер, А. Тойнби, О. Бальзак, Н. Винер. В России – Н.Я. Данилевский, В.О. Ключевский, А.А. Зиновьев и др. Органическая теория анализирует то, что происходит в фундаменте любого общества, на его, так сказать, клеточном уровне.

В качестве методологического принципа органицизм сыграл положительную роль при переходе от механицистских моделей общества как совокупности отдельных, изолированных индивидов («робинзонад»), к более сложным моделям, в которых общество рассматривается как определенное целое. В современной социологии органицизм отражает специфическое сближение биологии с общественными науками, которое выражается, в частности, в становлении и развитии самостоятельной научной дисциплины – социобиологии. Современная наука также признает определенное сходство между обществом и организмом⁷.

Если вернуться к предложенной метафоре и взять ее пока в чисто биологическом аспекте, то следует отметить, что, согласно данным современной биологии, приблизительно 600 млн лет назад в эволюции клетки произошло важное событие, которое имело большие последствия для развития жизни на Земле. Клетки начали *сосуществовать* ради образования первых организмов, содержащих множество клеток. Речь шла, если можно так выразиться, о радикальном изменении в самой «ментальности» клетки, поскольку такое сосуществование означало, что *выживание организма главенствует над выживанием отдельных клеток*. Другими словами, из «индивидуалистов» клетки постепенно превратились в «альтруистов», способных жертвовать своими интересами ради других.

Раковая же опухоль появляется тогда, когда под воздействием неблагоприятных обстоятельств клетка отказывается играть предназначенную ей роль и не соглашается более кооперироваться с другими, чтобы предоставлять свои ресурсы на благо всем остальным клеткам организма. Эта клетка становится существом вне закона, которое изолируется от себе подобных, не отвечает более приказам, передаваемым сообществом, в котором она находится, а имеет только одну цель – обеспечить свое собственное выживание и выживание своих потомков. Тогда с организмом может случиться всякое, вплоть до его смерти, ибо мятежная клетка вернула себе прародительские инстинкты выживания, в основе которых лежат эгоизм и индивидуализм.

Перейдя от биологических аспектов метафоры к социальным, а также сознавая условность и относительность аналогии между био-

логическими и социальными процессами, все же нельзя не заметить некоторую схожесть признаков: многое из того, что характеризует биологическую раковую опухоль, относится и к общественному организму. Такая аналогия не лишена оснований, так как все сообщество людей, как подчеркивает известный политолог А.И. Неклесса, «представляет удивительный организм, свободный в прочерчивании исторической траектории в соответствии со своими устремлениями, мировоззрением, миропониманием. В подобной констатации кроется множество проблем: дилемма конструктивного, солидарного поведения и деструктивного, атомизированного, дилемма тотального контроля над личностью и ее свободного, в том числе анархичного или глубоко эгоистического поведения»⁸. Внутренняя свобода личности, ее извечное стремление к освобождению от природной необходимости, от самого мира с его законами, правилами, предписаниями, побуждает человека всячески нарушать целостность общественного организма и в малом, и в большом, не останавливаясь даже тогда, когда это грозит ему страданиями или даже гибелью. Связи между индивидами тогда все больше ослабляются и все больше возвращаются к первобытному состоянию одинокой клетки, которая выживает сама по себе.

Собственно та разновидность неолиберализма, которая сложилась в России (а в мире много разных течений либерализма) — это и есть идеология эгоизма, представляющая человека как «индивида», т.е. как «атом», оторванный от «фантома культуры» (традиционных ценностей), действующий в своих, сугубо эгоистических, т.е. непомерно раздутых, своекорыстных интересах.

Необходимость национально-государственной идеологии России — вление времени

Органическая теория в большей мере, чем иные, помогает ответить на вопрос «как жить сообща?» Стремление к единству, солидарность, нравственность, справедливость возникают *вынужденно* из необходимости выживания, а затем уже освящаются внешним авторитетом церкви, религии, идеологии.

Если обратиться к отечественной истории, русский народ именно так и складывался из разных племен — в борьбе с многочисленными трудностями и опасностями, как одна из первых в мире «политических наций». Затем эта общность была скреплена принятием православного христианства, ведь до крещения никаких русских не было, а были поляне, северяне, радимичи, кривичи и др., а также множество неславянских племен и групп, среди которых, возможно, была и Русь.

Общность исторических судеб народов является основой для формирования единого мировоззрения. Его опорные пункты созданы

нашей историей, жизнью народа и сформулированы в трудах выдающихся отечественных мыслителей. При этом речь может идти о таком мировоззрении, которое шире сложившегося в политической науке понимания идеологии. Оно есть результат исторической эволюции нравственных и общественных идеалов, оно смотрит на жизнь как на единое целое, как на органическую и более организованную систему. Равновесие между ее составными частями необходимо сохранять, как и в любом живом организме, чтобы обеспечивать возможность развития и постепенного совершенствования. Именно поэтому в центр общественного внимания целесообразно выдвинуть понятие органической национально-государственной идеологии, которая воплощает в себе целостное мировоззрение, выходит за узкие техницистско-механицистские рамки и указывает на иные перспективы существования российского государства.

Начать следует с того, что в условиях российской действительности особенно остро стоит вопрос не просто о государстве (и его реабилитации), а о его единстве и жизнеспособности. Такое единство должно опираться на базовые, традиционные ценности и быть способным вдохновить людей, наполнить достойным и привлекательным содержанием, смыслом жизнь каждого человека, а также содействовать тому, чтобы народы России овладели результатами своего труда и творчества, что может быть оптимально осуществлено лишь при наличии объединяющей национально-государственной идеологии. Тогда можно ожидать личностного одухотворения стратегических целей, социальных идеалов и базовых ценностей граждан. Успеха можно достичь лишь в том случае, если идеи и стратегии национального развития станут средством мобилизации, консолидации общества вокруг стоящих перед ним мобилизационных задач. Дееспособность российского государства в решающей степени зависит от его духовно-идеологического фундамента, в том числе и от факторов, обеспечивающих идентификацию России как нации или цивилизации — от языка, культуры, религии, искусства, литературы.

В современной России после разрушения советской идентичности в качестве наиболее социально значимых остались в основном религиозно-этнические виды идентификации. Поэтому, например, П. Тищенко, полагает, что христиане, мусульмане, иудеи и атеисты могут выработать эффективные стратегии солидарности для всего государства, если только переступят границы собственной религиозной, этнической, политической, расовой и сексуальной идентичности. Основоположения солидарности должны быть такими, чтобы дать возможность и православному, и мусульманину, и католику, и буддисту, и марксисту — каждому в конкретной ситуации поступать, сохраняя свои особые ценности при одном условии — признании единства в качестве сверхценности (сверхсущей единицы) и отказе

от насилия в отношении инакомыслящих. Солидарность может строиться только на доверии, апофатичности фиксируемой «точки» совместного нравственного присутствия вне конфессиональных и прочих различий⁹.

Если говорить о возможных проблемах такой идеологии, то в качестве главной среди них можно назвать сопричастие в одном социоорганизме разнообразных мировоззренческих и миростроительных кодов. Отсюда вытекают заметно различающиеся между собой парадигмы философско-теоретической реконструкции идентичности России в XXI в. Однако из этого же источника питается и российская жажда целостного, всеобъемлющего мировоззрения, истовая тяга к органичному синтезу достижений различных цивилизаций и культур. Видимо поэтому Россия столь восприимчива к инновациям, которые зачастую разрушают ее традиции.

В связи с этим возникают важные вопросы: кто имеет право выступать от имени всеобщности, как обеспечить солидарность столь различно осознающих и ощущающих свою «самость» людей? Во времена Платона и Аристотеля право выражать смысл общих для всех интересов и ценностей принадлежало философам. В Средние века роль вещателей от имени общности исполняли священнослужители. В Новое время, особенно в рамках идеологии Просвещения, монопольное право выступать от имени всеобщего имели ученые. В современных обществах, в том числе и российском, исчезла привилегия какого-либо сословия или эксперта говорить от имени всеобщности. А значит, повышается роль всех активных представителей общества в формировании общих целей, ценностей и идеалов. Идеи, отражающие в наибольшей мере интересы всего общества, должны становиться определяющими для формирования той или иной позиции всего государства как целого.

Цивилизационная структура российского государства и общества отражает многовековое взаимодействие различных культурно-исторических типов, каждый из которых внес определенный вклад в строительство общей государственности. Среди них выделяется доминирующий тип — русская цивилизация, которая является одной из древнейших духовных цивилизаций мира. Опираясь на ценности своей цивилизации, русский народ сумел создать государство с богатой культурой и историей. Русская цивилизация всегда была ядром, становым хребтом российской государственности и выполняла функцию интегрирующего стержня, сохраняющего российский суперэтнос и задающего вектор его дальнейшего развития.

В этом контексте понятие «ядро» не является только метафорой или простым дополнением к таким понятиям, как государство, нация, цивилизация, — оно задает перспективу рассмотрения данной про-

блематики. Это понятие занимает центральное, основополагающее место в новейшей теории систем, отражает структурные и функциональные качества самоорганизующейся, успешно действующей системы. Укрепление ядра — главный фактор устойчивости любой системы, в том числе системы межнациональных отношений в российском государстве. Историческим и научным фактом является то, что государства национальны по своему происхождению и в своем ядре. Это подтверждают и результаты переписи населения 2010 г.: русскими себя считают 80,9 %, доля второй по численности нации — татар составляет 3,87 %.

Между тем право русского народа на статус государствообразующего, как отмечает израильский публицист Авигдор Эскин, игнорируется, подвергается нападкам с целью принижения народной души¹⁰. Завуалированной формой этого является широко распространенное акцентирование внимания на многонациональности и многоконфессиональности российского государства при полном игнорировании его русского ядра, что вполне согласуется с западным сверхконцептом «постнационального общества» как результата глобализации. В реальности это означает, что отсутствует настоящий, а не формальный (многонациональный народ) субъект государственной деятельности, отсутствует национальная идентичность. В таком случае возникает вопрос: как такая ситуация согласуется с поисками всемогущей «национальной идеи», тоска по которой разлита в общественном сознании? И как можно рассуждать о национальной идее вне ее преэминентности с русской идеей? Как можно забывать о том, что история России — это и есть история ее национальной идеи, которая в свернутом и преобразованном виде содержит в себе весь предшествующий исторический опыт? Национальная идея не выдумывается народом, а открывается ему в меру его исторического развития, становясь путеводной звездой, указывающей народу истинное направление его эволюции.

Если абстрагироваться от различных коннотаций национальной идеи и посмотреть в сам ее корень, то, в сущности, она есть формула *выживания* российского государства в постоянно меняющемся мире. История России — это история военных угроз, переменных успехов и поражений, собирания сил, чрезмерного напряжения. И сегодня ситуация значительно усугубилась. Поэтому понятие «выживание» сейчас нагружено иным смыслом, чем просто сохранение биологического существования или поддержание жизни на минимально допустимом уровне. Выживание — это способность общества, государства проявлять адаптивные свойства в соответствии с меняющимися условиями жизни, а также давать своевременные ответы на вызовы и угрозы, как внешние, так и внутренние. Это значит, что стратегии выживания, воплощенные в национальной идее,

не только не противостоят стратегии роста, развития, процветания, а наоборот, они включают их в себя, олицетворяя собой идеальную сторону национальной идеи.

Именно поэтому вопрос об органической национально-государственной идеологии, соединяющей в себе постулаты истинной национальной идеи с общественными задачами сегодняшнего дня, привлекает все большее внимание как ученых, так и политиков. Например, международная научная конференция (ИНИОН, 19 – 20 декабря 2013 г.) выносит на обсуждение проблему «Государственная идеология и модернизация». В Государственной Думе предполагается рассмотреть вопрос о возможном исключении из Конституции п. 2 ст. 13 – «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

В рамках органической теории идеология является базисом, а не надстройкой, так как единство общественного организма вытекает из тех его представлений, ценностей, которые лежат в фундаменте общества, переплетены с ним, пронизывают, наподобие нервной системы, его «социальную ткань» и составляют основу этого фундамента. Отрицать органическую идеологию как таковую – значит отрицать государство как форму исторической самоорганизации общества, ибо только государство способно объединить разрозненные представления и чувства миллионов своих граждан и выразить их общую волю на рациональном уровне. Благодаря органической национально-государственной идеологии государство может правильно определить свое место на международной арене и адекватно реагировать на глобальные вызовы современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Путин о новой идеологии России. – URL: <http://the-day-x.run/Putin-o-novo-ideologies-Rossi.html>

² См.: *Окара А.Н.* Новая идея для новой России: солидарный прорыв к креатократии // Идеология и философия солидаризма. Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 9. – М., 2010. С. 90.

³ *Волконский В.* Ожидаемый поворот в духовно-идеологической сфере // Альтернативы. 2010. № 3. С. 75 – 76.

⁴ «Вашингтон пост» с тревогой о возрождении патриотизма и нарождающейся идеологии. – URL: <http://stalingrad-info.ru/vashington-post-s-trevogoy-o-vozrozhdenii-patriotizma-i-narozhdayushheysya-ideologii-v-rossii/>

⁵ См.: *Матц У.* Идеологии как детерминанта политики в эпоху Модерна // Политические исследования. 1992. № 1 – 2. С. 131.

⁶ *Лукина Н.П.* Идеология информационного общества: векторы исследовательской программы. – URL: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/lukina.htm>

⁷ См.: Органицизм. – URL: <http://www.soclexicon.ru/organicizm>

⁸ *Некlessа А.И.* Идеология и философия солидаризма. – М., 2010. С. 5.

⁹ См.: *Тищенко П.* На гранях жизни и смерти. Философские исследования оснований биоэтики. – СПб., 2011. С. 235.

¹⁰ *Эскин А.* Диктатура зловещания // Литературная газета. 2013. № 27.

Аннотация

В статье показана актуальность идеологии, неправомерность однозначного ее толкования. Отмечается непосредственная связь между отсутствием государственной идеологии в стране и кризисом, в котором оказалась Россия вслед за остальным миром.

Ключевые слова: государство, идеология, мировоззрение, кризис, единство, органицизм, выживание.

Summary

The article shows the modern relevance of ideology, the impropriety of its unambiguous interpretation. The author notes the direct connection between the absence of the state ideology and the crisis in which Russia found itself following the rest of the world.

Keywords: state, ideology, worldview, crisis, unity, organicism, survival.